

После Праздника Средины Осени мясо осетра и осетриная жила полностью высохли. Мяса получилось пятьдесят цзиней, его отнесли в ларек, где продавали по пятьдесят взней за цзинь — в общей сложности выручили два с половиной лян. Вернувшись в деревню Байшуйао и попытавшись положить деньги в глиняную копилку, они обнаружили, что туда уже ничего не вмещается.

Раз бизнес велся уже добрых полмесяца, пришло время пересчитать накопленное серебро. Ночью, когда все дома уже уснули, Чжун Мин закрыл створки каюты, выходящие к берегу, и, сев с супругом под лампой, принялся подсчитывать прибыль.

После окончания свадебных хлопот у Чжун Мина оставалось около двенадцати лян серебра. Первую крупную сумму после женитьбы он заработал на продаже морских угрей — более семи лян. Таким образом, на руках у них оказалось уже двадцать лян. С начала восьмого месяца они вдвоём начали торговать в своём ларьке: поначалу продавали только свежую рыбу и креветочную пасту, позднее добавили ещё несколько новых видов соуса. В среднем, с этой части торговли ежедневно выходил чистый доход не менее одного лян серебра.

Помимо этого, Чжун Мин часто принимал заказы от управляющих ресторанами: сегодня им нужны лангусты, завтра абалон, послезавтра цветочные крабы. Эти заказы также приносили немалую прибыль.

Разумеется, кроме вылова морепродуктов, на приготовление соусов тоже уходили средства, но не так уж много, как могло показаться. Даже не вычитая расходов, после долгого подсчёта они обнаружили, что на руках у них уже было шестьдесят лян наличных.

Из шестидесяти лян серебра, за вычетом одного слитка в пять лян и примерно десяти лян мелочи, выданной управляющими при расчётах, остальное составляли исключительно медные монеты, нанизанные на верёвки и сложенные в денежный кувшин.

- Когда я вернусь с выхода в море и получу от семьи Хуан остаток в сорок пять лян, у нас с тобой будет целая сотня, — сказал Чжун Мин.

Ста лян вполне хватило бы на покупку добротной новой лодки, но Чжун Мин пока не собирался тратить деньги на это. Вместо того чтобы менять нынешнюю лодку на такую же, только поновее, он бы скорее построил дом на сваях, чтобы родные не мёрзли зимой на судне. А уж если и покупать лодку, то по-настоящему хорошую - побольше и такую, чтобы могла выходить в открытое море.

Если думать ещё дальше, он ведь и впрямь хотел бы со временем вывести семью на берег, чтобы там и обосноваться. Приобрести землю, построить дом - всё это стоило немалых денег, и явно не мелких. Пока у них ещё не было детей, но Чжун Мин верил, что когда придёт время, судьба сама приведёт. А уж когда ребёнок появится, будь то сын, дочь или гер, растить его с младенчества до взрослости — это точно не просто «положить на стол ещё одну пару палочек».

Раньше ему казалось, что сто лян это целое состояние, но теперь, прикинув всё, он понимал: на

самом деле, этого даже близко не хватит.

Однако если Чжун Мин и считал этих денег недостаточно, то Су И лишь спустя долгое время смог по-настоящему прийти в себя. В прошлом ему и за лишние три или пять вэней приходилось прятаться по углам, лишь бы Лю Ланьцао не прознала. Когда он подписывал договор с рестораном «Сихай» и узнал, что сможет зарабатывать по двести вэней в месяц, то радовался так, что даже шаг у него стал лёгким и нетвёрдым.

А теперь, после недолгого времени, проведённого в браке, в доме накопилось несколько десятков лян серебра. Даже если он и не решался бесстыдно считать эти деньги своими, то в душе у него было очень спокойно. Связывая свою судьбу с Чжун Мином, он и не рассчитывал на какое-либо богатство. Ему хватало того, чтобы было что поесть и что надеть. А всё, что Чжун Мин ему дал, уже превзошло самые скромные его ожидания. С такими сбережениями, если и дальше потихоньку откладывать, их с Чжун Мином ребёнку уже не придётся терпеть тех тягот, что довелось вынести им самим.

Медных монет накопилось слишком много, и на следующий день они взяли тридцать лян и обменяли их в уездной лавке на серебряные слитки по пять лян каждый, так было куда удобнее хранить. Сундук с одеждой, сделанный к свадьбе, имел потайной отсек, туда и сложили серебряные слитки. Мелкую медную монету продолжали держать в глиняном денежном кувшине под помостом лодки.

Потому и говорят, что для людей воды вся жизнь и всё имущество на одной лодке: стоит в море попасть в беду, пойдёт лодка ко дну - и человеку тоже конец, а с ним и всему, что у него было.

Рыбьи жилы Чжун Мин привязал к подводному гарпуну, укрепив заранее заготовленный железный наконечник. Стоило слегка задеть спусковой крючок, как туго натянутая жила выбрасывала стрелу вперёд стремительно и с мощным ударом. Перед тем как впервые взять гарпун под воду, Чжун Мин решил испытать его силу на берегу: выложил на песке несколько рыб. Даже судака весом более пяти цзиней стрела пробивала насквозь. Теперь оставалось только наработать меткость.

К тому же люди из дома Хуан накануне передали через продавцов на Южной улице, что, по словам приглашённого знатока морских ветров, двадцать пятое число восьмого месяца — день самый подходящий для выхода в море. А уж в дальний поход без благоприятного времени и погоды никак нельзя. Это не прогулка по настроению, когда захотел — вышел, захотел — вернулся. До назначенного дня оставалось ещё несколько суток, времени было предостаточно, и Чжун Мин, поняв это, тут же стал активнее тренироваться в воде.

С прежними навыками, полученными в армии в прошлой жизни, вернуть былую ловкость оказалось несложно. А стоило ему как следует освоиться с новым гарпуном, как рыба на морском дне начала терпеть настоящий урон.

С появлением этой штуки скорость ловли рыбы возросла в разы. Раньше, когда рыба плыла слишком быстро, приходилось подбираться к ней почти вплотную, будь то с сетью или с гарпуном, иначе даже не стоило пробовать: рыбу отпугнёшь раньше, чем успеешь ударить, а уж нагнать её после и вовсе почти невозможно. С подводным гарпуном всё иначе, можно стрелять с расстояния в три чи (примерно одного метра). Если прицелиться как следует, рыба даже не успевает среагировать, как железный наконечник уже пронзает её насквозь.

Конечно, рыба, добытая таким способом, на берегу уже мертва, а значит, и товарный вид страдает. Но речь всего лишь о потере нескольких вэней на цзинь, что вполне можно компенсировать тем, что удаётся поймать рыбы больше и жирнее.

Будь то золотистый лещ, четырёхполосый окунь, морская свинья, морская курица, гирелла, красный луциан, желтый горбыль... Чжун Мин за последние несколько погружений не ловил ни моллюсков, ни крабов, только крупную и мелкую рыбу. К концу тренировок, пусть не каждая стрела попадала точно в цель, но хотя бы одна из трёх неизменно попадала. А ведь в морской воде и течение сносит, и скалы с кораллами загораживают обзор. Он ведь не какой-нибудь военный стрелок, способный попасть в цель с сотни шагов. Всего лишь человек, промышляющий рыболовством, и для него меткость одна из трёх уже отличный результат.

Иногда Чжун Мин нырял в море под вечер, и времени доставить рыбу в город уже не оставалось, тогда улов оставляли себе и, можно сказать, вволю наедались всякой редкой рыбы, которую обычно себе жалели. Его вторая тётя, третий дядя и даже кузен с семьёй пользовались его щедростью. Даже Чжэн-ши, мать Чжуна Шоуцая, которая прежде часто выражала недовольство по поводу Чжун Мина и не желала, чтобы её сын с ним водился, опасаясь дурного влияния, теперь уж давно сменила тон и при случае не забывала похвалить, какой, мол, Чжун Мин стал молодец.

В самой неловкой ситуации оказались четвертый дядя Чжун и его домочадцы: теперь, когда Чжун Мин приносил рыбу всем близким родственникам, до дома собственного родного четвертого дяди он так ни разу и не дошёл, и те даже не знали, как реагировать. Четвертый дядя Чжун, конечно, понимал, что его игнорируют, но идти и разбираться с племянником не смел, считая, что это ниже его достоинства. Го-ши пенял мужу, что он безвольный: как же так — дядя, а племянник втаптывает его в грязь. После нескольких таких разговоров и у четвертого дяди Чжуна проснулся характер: он стал громить посуду и ругаться, мол, если бы не супруг, который в своё время придирался к Су И, разве дошло бы всё до такого? Раньше, может, Чжун Мин и не был особенно с ними близок, но хотя бы сохранял видимую вежливость, а теперь всё, и на пользу не рассчитывай, и за спиной шепот.

Что до аренды торгового места в городе, если бы не третий брат, который не пожалел поддержки, ясно, что у них и шанса не было бы. Сейчас, скорее всего, до сих пор маялись бы, уплачивая рыбный налог и поднося чиновникам вино за «благоволение».

Чем больше думал четвертый дядя Чжун, тем сильнее убеждался, что во всём виноват Го-ши. Слова, что он ему высказывал, были весьма резки, и тот, разумеется, не собирался молча терпеть упрёки. В итоге Го-ши снова исцарапал мужу лицо и, как водится, схватил его в охапку плачущего без перерыва Ань-гера и вернулся на лодку к родителям.

С этого самого дня прошло уже несколько суток, а четвертый дядя Чжун так и не пришел за ним. От остальных родственников тоже ни слуху ни духу, ни одного человека не прислали мириться. Упорства хватило и у четвертого дяди Чжуна - он упёрся, шею вытянул, как петух на насесте, и стоял на своем, запретив сестре и брату вмешиваться.

— Не вернётся — так и не надо! — сердито бросал он. — Без него, что, жизни не будет, что ли?

За это и огрѐб - третий брат с досады дал ему подзатыльник и ушёл, решив больше не лезть.

Чжун Мин с Су И в эти дела никогда не совались: и своих хлопот по горло, и дел полно, а уж тем более лезть в семейные дразги старших не их ума дело.

Приближался день отъезда Чжун Мина, и Су И не находил себе места, то сидел, то вставал, снова и снова перебирая узел с вещами, что собирался передать ему в дорогу, боясь, как бы чего не упустил, не забыл, не положил лишнего. Со стороны и не скажешь, что тот уходит всего лишь на три-пять дней, можно было подумать, что уезжает на три-пять месяцев.

Но как бы ни не хотелось расставаться, вечер перед временной разлукой всё же настал. Су И в последний раз пересмотрел узел и начал напутствовать Чжун Мина:

— Я положил тебе чистую смену одежды, по одному полотенцу большого и маленького размера, зубную веточку из ивняка, немного соли, бамбуковую флягу для воды вынес отдельно, не забудь её утром.

Он добавил:

— Вот-вот уже девятый месяц пойдёт, погода может в любой момент перемениться, я положил ещё одну одежду с длинным рукавом. Если станет холодно, наденешь или накинешь на себя ночью вместо одеяла, чтобы не продрогнуть.

Перечислив нужное, он перешёл к еде:

— Хоть на судне и есть повар, и тебя наняли за деньги, голодать точно не дадут, но когда своё под рукой всё равно спокойнее. Утром я заверну тебе несколько кусочков рисового пирога, обжарю немного шкуры осетра, добавлю горсть сушёной каракатицы и кальмара. Рисовый пирог долго не хранится, съешь днём, если проголодаешься, а остальное пусть будет пожевать на досуге. Не говори, что много всего, всё заверну в промасленную бумагу, много места не займёт, а когда на судно поднимешься, там и место найдёшь, куда положить.

— Уже всего достаточно, не суетись больше, присядь, отдохни, — Чжун Мин насильно усадил Су И, который всё ещё сновал взад-вперёд по каюте, заставив его спокойно сесть на циновку. Поодаль сидел Чжун Хань с недовольным видом: старший брат в его глазах всегда был тем, кто днём не бывал дома, но ведь одно дело не быть днём, и совсем другое — не ночевать на лодке.

— Брат, ты возвращайся пораньше, — шепнул он, подойдя к Чжун Мину вплотную.

Тот усмехнулся:

— Разве ты сам не говорил, что хочешь учиться с невесткой лепить вонтоны? Вот выучишься, я и вернусь. И запомни: я хочу с начинкой из креветок, в каждом вонтоне должно быть по креветке, а то не признаю.

Чжун Хань с уверенностью хлопнул себя по груди:

— Я буду ходить с невесткой ловить креветок, сам их почищу, чтобы брат поел вонтоны с креветками!

— Вот молодец, наш послушный малыш, — похвалил его Чжун Мин, а затем повернулся к своему супругу:

— Только что думал, чего-то всё же забыл, и вот, наконец, вспомнил: твой креветочный соус! Обязательно положи мне баночку с собой.

— Соус ведь жидкий, неудобно его брать с собой, вдруг весь свёрток испачкает, — сказал Су И, но глаза его в ту же секунду ярко блеснули.

Он ведь всё это время не мог отделаться от чувства, что чего-то всё-таки не хватает. Раньше, когда он расспрашивал Чжун Мина, тот всякий раз уверял, что не нужно ничего лишнего, а если чего не хватит - найдётся на судне семьи Хуан. Су И сам понимал, что это так, но никак не мог унять тревогу на сердце.

Теперь же, когда Чжун Мин наконец сам сказал, что хочет взять с собой, он будто вновь обрёл точку опоры.

— Только креветочный? А может, и рыбного добавить? Он у меня к рису хорошо идёт, хочешь?

— Не надо другого, только твой креветочный. Если вдруг еда на корабле будет мне не по вкусу, добавлю немного, и вкус точно будет тот, что надо, — ответил Чжун Мин с улыбкой.

Су И, услышав это, тоже не смог не улыбнуться:

— Да на том судне повар не простой, а при большом торговом корабле служит, как могут его навыки быть хуже?

— Ну, кто ж его знает, — улыбнулся Чжун Мин. — В общем, взять с собой не помешает.

— Хорошо, возьмишь, — тут же отозвался Су И и живо поднялся. — Помнится, на лодке завалился старый горшочек, примерно с ладонь размером. Я как-то убирался и наткнулся на него. В него как раз влезет где-то два ляна соуса, тебе на эти дни хватит. А сверху я оберну его листом банана и обвяжу пеньковой бечёвкой, тогда точно не прольётся.

Получив новое задание, гер снова засуетился. И когда горшочек с креветочным соусом оказался аккуратно уложенным в дорожный свёрток, он вдруг почувствовал, как его кто-то крепко обнял сзади.

К спине прильнула знакомая тёплая грудь, и Су И тут же понял, что Чжун Мин оперся подбородком на его плечо. Он слегка нервно моргнул, но, заметив, что занавес из бамбука в каюте уже опущен, а младший брат, хоть и не спит, всё ещё щебечет с Додо, а стало быть, не подглядывает, в груди у него зародилась неожиданная смелость.

Немного помедлив, он чуть повернул голову в сторону мужа, прикрыл глаза.

Чжун Мин никак не ожидал, что его скромный супруг вдруг сам делается таким смелым. На мгновение он даже растерялся, взгляд невольно зацепился за киноварную родинку у уголка глаза. А затем на щеку мягко лег поцелуй.

<http://bllate.org/book/13583/1205032>